

поскорѣй поставить Толстого на полочку, ради благополучнаго возврата въ кругъ обыденной суеты.

Той же предвзятою схематичностью страдаетъ и противоположное мнѣніе о великомъ писателѣ земли русской: согласно этому мнѣнію, смыслъ дѣятельности Толстого въ суммѣ всѣхъ нравоучительныхъ словъ, произнесенныхъ имъ за сохой: вспоминаю нѣкогда газетные толки о томъ, какъ французскій публицистъ, Поль Дерулэдъ, пріѣхавъ въ *Ясную Поляну*, отправился въ поле, чтобы увидѣть пахущаго Толстого; великій пахарь не оторвался отъ сохи; и знаменитый французъ (воображаю его одѣтымъ безукоризненно) долженъ былъ одновременно и шагать черезъ черныя земляныя глыбы и записывать всѣ случайныя реплики Толстого на его слова. Въ этой картинѣ есть что-то безусловно комическое: во-первыхъ внѣшне комична фигура французскаго публициста, зашагавшаго по вспаханнымъ бороздамъ; но насколько болѣе комична фигура знаменитаго пахаря, не пожелавшаго оторваться на пять минутъ отъ сохи, чтобы удѣлить время интересному гостю: о, конечно, тутъ была символическая пахота; предъ представителемъ отвергаемаго Толстымъ земнаго шара, покрытаго плѣсенью цивилизаціи, Левъ Толстой распахивалъ земной шаръ стальнымъ лезвіемъ своей правды: если бы хоть крупца отъ этой мысли не была въ ту минуту въ душѣ Льва Толстого, не продолжалъ бы онъ съ нарочитымъ равнодушіемъ свое занятіе, порожденное какъ ни какъ капризомъ; если бы не одинъ Поль Дерулэдъ, но представители всего міра, писатели, ученые, короли въ ту минуту появились предъ лицомъ Льва Толстого, и тогда, конечно, не оставилъ бы онъ своего символическаго занятія: тутъ онъ самъ—карикатура на себя.

Карикатурности Толстовской пахоты предъ лицомъ всего міра вовсе не видятъ тѣ, кто самый смыслъ работы Льва Толстого связываютъ съ проповѣдями *urbi et orbi* послѣднихъ десятилѣтій. Они вѣроятно были наивно увѣрены, что присутствіе Поля Дерулэда при толстовскихъ работахъ въ полѣ было лишь первой ласточкой: выстроенныя трибуны для писателей всего міра предъ толстовской пашней, сами писатели, возсѣдающіе съ биноклями въ рукахъ, наконецъ, эти же писатели, сошедшіе съ трибунъ и бредущіе за сохами по примѣру Толстого—вотъ вѣроятно въ чемъ заключалось ихъ чаяніе послѣ газетнаго оповѣщенія о томъ, что